

Ф. МАЛИНГУДИС

СЛАВЯНО-ГРЕЧЕСКИЙ СИМБИОЗ В ВИЗАНТИИ В СВЕТЕ ТОПОНИМИИ

Одним из главных факторов, обусловивших трансформацию позднеантичного миропорядка на Балканах и положивших начало эволюции, последствия которой сказываются еще и теперь, явилось вторжение и оседание в этом регионе нового этноса — славян. Свидетели данного исторического процесса, византийские историки и хронисты VI—VIII вв., более стремились в своих произведениях подражать историкам классической античности, нежели объективно освещать события своего времени. Новая и новейшая историография, прежде всего ученые-славяне, довольно рано исследовала и оценила эти свидетельства византийских источников. Однако, помимо них, историография самого недавнего времени воздала должное и другому кругу источников, исследование которых уже началось: мы имеем в виду объективные свидетельства, оставленные самими переселенцами и дошедшие до нас без какого-либо «посредничества» хронистов и вообще независимых от чьих бы то ни было субъективных суждений.

Ниже мы постараемся показать историческую ценность широкого круга таких объективных свидетельств, содержащихся, в частности, в топонимическом наследии славянских пришельцев в Греции.

Историческое языкознание признало значение славянского топонимического фонда в Греции, особенно южной, для истории славянских языков еще со времени выхода в свет новаторской работы М. Фасмера: застывшие в греческой топонимии славянские названия суть самые ранние реликты общеславянского языкового массива; некоторые из них восходят ко времени заселения, т. е. к VI—VII вв. Однако в исторической науке, за исключением немногих, на наш взгляд, неудачных попыток, эти объективные свидетельства еще не получили надлежащей оценки. Мы попробуем восполнить этот пробел на нескольких примерах ранних славянских реликтов в Южной Греции, существенных, думается, для понимания внутренней истории славянских пришельцев. Итак, можно ли установить наличие оседлого не-грекоязычного населения в тех районах Греции, которые позднее были, несомненно, заняты славянами? Каким образом локализовать тот ареал, где славяне в течение длительного времени сохраняли свое самосознание? Каков был уровень развития материальной культуры славянских пришельцев и какое влияние их проникновение оказало на экономику греческих провинций Византийской империи?

Начнем с первого вопроса. Хотя топоним, который мы будем анализировать, не славянский, его значение для нашей проблематики уникально: он засвидетельствован для середины IX в. в «Книге церемоний» Константина Багрянородного. Там описывается, как император Михаил III (842—862) давал аудиенцию славянской депутации из округа (*ἀρχοντία*) Солуни. Согласно Константину, ее участники происходили из области, называвшейся *Σουβδελτία* и находившейся поблизости от горы¹. Определяя этимоло-

¹ *Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae byzantinae* / Rec. I. I. Reiske. Bonn, 1829. Bd. 1. S. 634—635. К локализации см.: *Καραγιαννιόπουλος Ι. Ἡ επικρατοῦσα Θεσσαλονίκη*—Κωνσταντινουπόλεως κατὰ τοὺς 7—9 αἰ — Ἐπιστ. Ἐπετηρίς τῆς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης, 1984. 26. Σ. 220—221.

логию этого топонима², можно констатировать, что приводимая Константином форма есть *nomen loci*, образованный в греческом от названия обитателей: *Σουβδελίτια* — это область τῶν Σουβδελιτῶν. В свою очередь, данное название (единственное число — *Σουβδελίτης*) представляет собой образование, обычное для средне- и новогреческого: оно возникло из чужеродного топонима с помощью греческого суффикса *-της* (множественное число — *-ται*). В качестве аналогичных примеров мы могли бы привести Ἐξερῖται (славянское племя на Пелопоннесе, о котором сохранились данные от IX в.³) — от слав. *eze-go*: Βελεγεῖται (славянское племя в Фессалии, засвидетельствовано источниками VII в.) — от слав. *Veležed*⁴; Καυλίται (славянское племя в Далмации, данные от VII в.⁵) — от лат. *canalis* и т. д.⁶ *Σουβδελίτια* также возникло из негреческого топонима с помощью греческого суффикса *-sub-del-*, за которым просматриваются латинский предлог *sub* и апеллатив *del*. Это «субстратное» слово, которое романализованные автохтоны заимствовали у балканских славян и в карпатской романо-славянской контактной зоне, со значением «гора», «холм»⁷. Топоним *sub-del* — географический термин балкано-романского происхождения, семантически эквивалентный слав. *rodgoga*. Дополнительным аргументом в пользу гипотезы именно о таком происхождении служит и фонология уцелевшей формы: известно, что балканская латынь, предшественница румынского языка, — это единственный из романских языков, где лабиальный консонант сохранялся перед дентальным. Только в этом языке не действовал обязательный для других романских языков закон ассимиляции. И закономерным образом в *subdel* лабиальное удерживалось перед дентальным⁸. Наша этимология находит подкрепление и в семантике — в самом тексте Константина Багрянородного, поскольку там сказано, что *Σουβδελίτια* находится около горы.

Какие выводы может сделать историк, установив этимологию рассматривавшегося топонима?

Достаточно сказать, что первые прямые свидетельства о влахах появляются в нарративных источниках на сто лет позже (в 976 г.⁹). До этого времени источники позволяют лишь строить предположения о данном этносе. Топоним *Σουβδελίτια* может считаться древнейшим свидетельством о прошлом этого народа. Далее, наличие обсуждаемого топонима в окрестностях Фессалоники — аргумент в пользу представления о том, что славяне, придя в эту область в VII в., нашли здесь не только грекоязычное население, но и романализованных автохтонов, которых они с течением времени ассимилировали. Существование балкано-романского топонима *Σουβδελίτια* в той области, которая в IX в., несомненно, была населена славянами, предполагает сосуществование обоих этносов — славян и влахов. Этой детали исторической этнографии не найти в наших письменных источниках.

Обратимся ко второму вопросу, однако остановимся на нем лишь кратко, поскольку он уже обсуждался подробно в опубликованных нами ранее работах¹⁰. При исследовании микротопонимии обширных регионов,

² Этот топоним со времен П. Шафарика (*Schafarik P. J. Slavische Althertümer. Leipzig, 1847. Bd. II. S. 194, 122*) принято связывать с этнонимом *Σαγυδαῖοι*, с которым он не имеет ничего общего. Предположение о развитии *Σαγυδαῖα* > *Σουβδελίτια* наталкивается на непреодолимые фонетические трудности.

³ Ср.: *Malingoudis Ph. Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. 1. Die slavischen Flurnamen der messenischen Mani. Mainz; Wiesbaden, 1981. S. 16 ff.* (Далее: *Малингудис*).

⁴ Ср.: *Malingoudis Ph. // Balkan Studies. 1982. 22, H. 2. S. 253—254.*

⁵ *Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik. Bp., 1949. Bd. 1, Kap. 34. S. 162.*

⁶ О функции суффикса *-της* в построении этнонимов греческого языка см.: *Dieterich K. Die Suffixbildung im Neugriechischen // Balkan-Archiv. 1928. 4. S. 150.*

⁷ Ср.: *Малингудис. S. 122.*

⁸ Ср.: *Weinrich H. Phonologische Studien zur romanischen Sprachgeschichte. Münster, 1958. S. 228—229.*

⁹ *Iohannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. B.: N. Y., 1973. P. 329, 80.*

¹⁰ *Малингудис. S. 174 ff.; Idem. Toponymy and History: Observations concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese // Cyrillomethodianum. 1983. VI. P. 99—111.*

например Пелопоннеса, выявляются зоны, в которых славянские микро-топонимы не только наличествуют, но и составляют часть славянской микро-топонимической системы. Там, где подобную систему можно обнаружить средствами ономастики, допустимо говорить об оседании носителей славянской речи в средние века. Историков особенно интересует датировка этих находок: можно ли установить возраст славянской микро-топонимической системы? Мы бы ответили на этот вопрос утвердительно: застывшие в греческом фонологические формы славянских топонимов во многих случаях дают критерии для относительной датировки каждой конкретной микро-топонимической системы. Вот хотя бы один пример: средневековое название Пилоса звучит Ἰλαρίνος (новогреческий топоним *Ναυαρίνο*, как верно отметил М. Фасмер¹¹, образовано от слав. авогъль, авогъ — клен) и представляет собой древнюю форму славянского звучания: славянское «о» передается греческим α, славянский редуцированный гласный должен был в момент заимствования еще сохраняться в славянском языке, поскольку греки слышали его как ι. В топонимах, заимствованных в более позднее время, славянское «о» всегда передается через ο, а редуцированный гласный нет совсем, поскольку этого звука больше нет в славянском. Это более позднее состояние прослеживается на топонимах Ἰλαβόνος и Ἰλαβόνη, которые 4 раза встречаются в области Лаконии и на примере которых можно показать славянскую микро-топонимическую систему¹². В этом случае допустимо говорить, что в данной местности говорили по-славянски также и после потери славянским языком редуцированного гласного, так что носители этого языка присутствовали здесь в течение долгого времени. Эта констатация важна для характеристики процесса эллинизации славян на Пелопоннесе.

Отвечая на третий вопрос, мы рассмотрим, опираясь на примеры славянской топонимии в Греции, два тезиса.

а) Экономической основой у славянских племен, осевших в Греции в VI—VII вв., было земледелие. Пришельцы не были ни кочевниками (как авары или протоболгары), ни мигрирующими пастухами (как влахи), но земледельцами, которые, найдя новую область, оседали там на пригодных землях.

б) Появление оседавших славянских групп в греческих провинциях Византийской империи не означало нарушения континуитета в области материальной культуры этих областей, особенно в отношении использования земель для сельского хозяйства и в отношении производства и обмена ремесленных товаров. Поскольку экономика славянских пришельцев не отличалась от хозяйственного уклада оседлого греческого населения, начался симбиоз, т. е. двусторонние отношения славянского адстрата с греческим субстратом. Славянский компонент этого симбиоза — заимствования из области материальной культуры — отражается в соответствующих славянских вкраплениях в средне- и новогреческом языках.

По поводу первого тезиса. Недвусмысленные, хотя и скудные, данные византийских источников VI—VII вв. содержат указания на то, что славяне Нижнего Подунавья еще накануне их появления в Греции были земледельцами. Те же источники сообщают, что осевшие на греческой территории славянские племена уже в VII в. торговали с местным населением излишками своей сельскохозяйственной продукции¹³. Эти данные могут быть расширены посредством использования славянской топонимии Греции. Иллюстрацией служат хотя бы прослеживаемые здесь топонимы, семантически восходящие к сфере корчевки. Они являются серьезным доказательством того, что люди, дававшие эти названия, намеревались осесть здесь постоянно. Как показывает опыт других областей, «древ-

¹¹ *Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. B., 1941. S. 160. (Далее: MV).*

¹² Автор пишет работу о славянских микро-топонимах Лаконии — области, где в средние века жили езериты.

¹³ Подробнее об этом см.: *Малингудис Ф. За материалната култура на раннеславянските племена в Гърция // ИП, 1985. Т. 41, № 9/10.*

нейшее заселение связано с древнейшим землеустройством, осуществляемым путем корчевки»¹⁴. В известной на сегодняшний день славянской топонимии Греции можно указать ряд несомненно первичных названий, связанных с корчевкой: 1) trěbiti — корчевать, отсюда топонимы Требица > Τερπίτσα¹⁵ и Требина > Τρεβίνα¹⁶; 2) кьгѣ (ср. пол. karcz — «пень», рус. «корч» — «выкорчеванный пень», «корчева» — «земля после корчевки», серб.-хорв. «крчевина» — земля после корчевки); Κάρτσιοβα¹⁷, Κάρτζοβα¹⁸, Κρίτσιοβα¹⁹, — все восходят к съгѣова, ср. далее Κορτσόβου²⁰.

На выжигание указывают следующие топонимы: ἸΑγορελίτσα, деревня в Трифилии, чей этимон, как и у города Герлиц, восходит к славянскому Горелица от goretī²¹. От goretī происходит также топоним Ζηγάρι. От глагола paliti происходит Παλίνα²². Далее, микротопоним Ζαρίτσι можно объяснить из слав. žagъь от žag²³. О выжигании свидетельствует и топоним Ζυγοβίτσι, который через греческую народную этимологию ζυγός («ярмо») восходит к слав. «жеговиште» (от «жего»).

Здесь мы остановимся, чтобы в кратком экскурсе продемонстрировать значение микротопонимии для понимания славянского заселения. Предложенная выше этимология Ζυγοβίτσι из «жеговиште» не представляла бы интереса для нашей темы, если бы этот славянский топоним был изолированным явлением в греческой топонимической среде. Чтобы придать этой этимологии убедительность, надо сначала доказать, что микротопонимия данного региона ясно выявляет следы присутствия здесь в прошлом носителей славянской речи. И действительно, среди примерно 140 микротопонимов в деревне Зиговисти, находящейся в западной Аркадии, в Гортинии, на высоте тысячи метров, на горе Майналон, можно указать 10 изначально славянских образований, среди них четыре притяжательных с суффиксом -ово, одно с женским суффиксом -бья, а также прямые сочетания с такими славянскими апеллативами, как «извор» (источник) и «чука» (гора), которых не заимствовал новогреческий язык²⁴. Наличие этих микротопонимов также говорит о том, что в прошлом в этом районе находились носители славянской речи. В пользу этого говорит и другое соображение: в данном селе еще живо поверье, представляющее собой, скорее всего, реминисценцию из славянского прошлого: здесь и теперь еще рассказывают, будто младенцы, умершие некрещеными, являются по ночам в образе рысей и творят бесчинства. Эти существа в Зиговисти называют *σμερδάκια* — наименование, наверняка связанное со славянским smьrdъ, т. е. «возбуждающий страх»²⁵.

Все вышеизложенное дает основание видеть в Зиговисти славянское поселение. Позже, в XIII—XIV вв., в этом районе Гортинии существовало славянское село Скорта²⁶.

В славянской топонимии Южной Греции очень широко распространен топоним Λάζος, происходящий от слав. «лазь», т. е. «земля, освоенная путем корчевки». В одном лишь юго-западном Пелопоннесе он встречается

¹⁴ Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slavischen Stämme zwischen Oder / Neisse und Elbe. B., 1968. S. 79—80; Eichler E. Slavische Wald- und Rodungsnamen an Elbe und Saale // Beiträge zur Namensforschung. 1958. 9. S. 286 ff.

¹⁵ MV. S. 76.

¹⁶ Там же. S. 60.

¹⁷ Микротопоним хутора Като Мелигу, Кинурия (Пелопоннес).

¹⁸ Микротопоним у Триполис (Пелопоннес).

¹⁹ Микротопоним хутора Вурвура, Кинурия (Пелопоннес).

²⁰ Хутор в Лаконии, упомянутый в «Василиках», а также микротопоним в мессенской Мани (*Μαλινγυδισ*. S. 60).

²¹ Фессалия (MV. S. 90).

²² Микротопоним хутора Вахля, Гортиния (Пелопоннес).

²³ Микротопоним хутора Тирос, Цакония (Пелопоннес).

²⁴ Автор работает над исследованием по славянской топонимии этой области центрального Пелопоннеса.

²⁵ О smьrdъ см.: *Aitzelmüller R.* Abg. smrd. Verdeutlichung einer Etymologie // *Studia Palaeslovenica. Festschrift J. Kurz.* Prag, 1971. S. 17—19.

²⁶ По поводу Skortá ср.: *Bon A.* La Morée Franque. P., 1969. S. 363 ff.

в качестве микротопонима 44 раза²⁷. В этой связи можно указать на заимствованный эпирским диалектом апеллатив *λαζίνα* — «весеннее пастбище для овец»²⁸.

Славянский термин для целины — «ледина» — застыл во многих топонимах Южной Греции: упомянем название *Λιαντίνα* в Лаконии²⁹, *Λεντίνα* — в Мессонии, засвидетельствованное в XVII в.³⁰, *Λεντίνη* — в Эвритании³¹, а также топоним *Γλεντίνα*, один раз встречающийся в юго-западном Пелопоннесе и три раза — в Гортинии³².

На корчевки указывает и топоним *Τοπόριστα* в Аркадии, совр. Феоктистон, происходящий от апеллатива «топор», «топорыште», т. е. «вырубленный топором участок».

Многие древнейшие топонимы юногреческого региона, возникшие из терминов, обозначающих неплодородную, «негодную землю», характеризуют стремление новопривывших славян найти землю, подходящую для обработки. Так, можно указать на общеславянское прилагательное женского рода «ялова», т. е. «бесплодная», встречающееся в топонимии Пелопоннеса: *Γιάλοβα*, деревня в Пилии, топоним *Γιάλοβα* — в Пилии и древнее *ΎΑλοβα* — в Лаконии³³⁻³⁵. Упомянем в этой связи также некоторые заимствованные термины, описывающие состояние земель, — мы находим их в ряде новогреческих диалектов. Так, славянское «мель», т. е. «мергельная почва», встречается в Этолии в форме *μελίστα*³⁶, а в Эпире — в форме *ὄμαλος*³⁷, в качестве же топонима мы находим его на Пелопоннесе³⁸.

Теперь на конкретных примерах из юногреческого региона, славянская микротопонимия которого уже была предметом исследования, мы попытаемся вкратце показать, что может поведать топонимия о материальной культуре осевшего там славянского племени. Речь идет о районе мессенской Мани на юге Пелопоннеса, где поселилось славянское племя мелингов³⁹.

Мы располагаем надежными историческими сведениями о том, что это население сохраняло свою языковую идентичность в течение восьми веков, вплоть до гибели Византийской империи. Микротопонимы позволяют нарисовать такую картину материальной культуры мелингов. Опыт выращивания зерновых был принесен ими с собой уже во времена их расселения. В этом убеждают два древних технических термина, которые сегодня обнаруживаются в топонимии или же в качестве заимствованных слов в греческом языке. Так, еще и ныне в некоторых деревнях мессенской Мани выложенную каменной плиткой полосу, окружающую ток, называют *ὄτοκα* — композит, составленный из предлога *ο(β)* и отлагольного существительного *τοκα* (от *τοῦτι* — «тащить», «волочить») ⁴⁰. *Otoka* было, таким образом, принесенным мелингами обозначением гумна (буквально: «место, где по кругу ходит упряжное животное»), апеллатив, известный нам в других славянских языках лишь со значением «остров» (буквально: «обтекаемое»). То, что *otoka* отнюдь не возникший *ad hoc* результат се-

²⁷ *Georgacas D. J., McDonald W. A. Place Names of Southwest Peloponnesus. Minneapolis, 1967. S. V.* (Далее: *Γεοργακας*).

²⁸ *Μπρόγας Ε. Τα γλωσσικά ιδιώματα τῆς Ἠπείρου*//*Ioannina, 1964. Bd. 1. S. 207.*

²⁹ *MV. S. 169.*

³⁰ *Sauerwein F. Das Siedlungsbild der Peloponnes um das Jahr 1700: Mit einer Karte und einen Ortsverzeichnis* // *Erdkrunde, Bonn, 1969. Bd. 23, H. 3. S. 237-244; Ibid. Beilage VIa (Ortsverzeichnis), s. v. Methoni 8.*

³¹ *MV. S. 83.*

³² Микротопоним хутора Влогос (Гортиния); горная вершина у Димитсаны (Гортиния); микротопоним хутора Вахля (Гортиния).

³³⁻³⁵ Микротопоним хутора Палеохори (Лакония).

³⁶ О «песчаных, неплодородных землях» в Этолии см.: *Δουκόπουλος Δ. Γεωργικά τῆς Ῥομηλῆς. Ἀθήνα, 1938. Σ. 116.*

³⁷ Апеллатив и топоним в Хулиарадес, Эпир. Ср.: *Epirotika Chronika. 1932. Bd. 7. S. 237.*

³⁸ Топоним у Димитсаны (Гортиния).

³⁹ *Malingoudis Ph. Studien. . . , passim.*

⁴⁰ *Ibid. S. 80-81.*

мантического развития языка славян, расселившихся вплоть до самой южной оконечности полуострова Хемус, но что мы имеем здесь дело с принесенным извне *terminus technicus*, доказывает существование изоглоссы *otok*, *vitok* — «ток» в некоторых диалектах Северо-Восточной Болгарии⁴¹.

Еще одно обозначение гумна сохранилось в топонимии на территории мелингов, а также в прилегающих областях Лаконии и Трифилии. Речь идет об апеллативе *moltъ*, который после плавновзвучной метатезы в славянских языках (примерно в середине IX в.) превратился в *mlat* или *molot* и означал «ток», «гумно»; значение же «молот» родилось впоследствии как вторичное. Со своим первоначальным значением апеллатив *mlat/molot* присутствует во всех славянских языках⁴² — исключение составляет лишь восточная группа южнославянских языков (болгарский и его диалекты в нынешней Южной Югославии), где уцелело только значение «молот». Общеславянский глагол — *moltiti*, откуда позднее — *mlatiti* (восточнослав. *molotit'*) — «бить», «колотить». Так как сохранившиеся греческие топонимы *Εμαλτός*, *Μάλσα*, *Μάλτα* окончательно сложились еще до того, как произошла метатеза, то мы должны предположить, что они возникли до середины IX в. Следовательно, перед нами — старый термин, восходящий к эпохе расселения.

Следовало бы упомянуть в этой связи также диалектальное слово *όσταβα* или *νόσταβα*, которым жители некоторых деревень мессенской Мани обозначают большие плоские камни, уложенные вокруг гумна. Это слово заимствованное, и оно может быть надежно объяснено из славянского *o-staviti* — «расставлять крúгом»⁴³.

То, что выращивание зерновых не было каким-то приобретением славян на их новой родине, но являлось прочной составной частью славянской экономики еще до переселения, доказывает существование унаследованных обозначений типичных сорняков, растущих на издавна возделываемых землях. Эти обозначения продолжают жить как заимствованные слова в новогреческом диалекте мессенской Мани. Здесь следует назвать часто встречающийся на пшеничных полях посевной куколь (*Agrostemma githago*), слав. *kokolъ*, откуда заимствование *κόκολι*⁴⁴; костер (*Bromus*), серб.-хорв. *klasača*, болг. *klasatica* (*Bromus sterilis*) и *klasačka* (*Bromus mollis*), откуда заимствованное обозначение этого сорняка *χλιάσιντζος*, еще и поныне употребляемое в диалекте деревни *Λιασίνοβα* (ныне *Προσήλιον*) в мессенской Мани⁴⁵. Одну из сорных трав, растущих на пшеничных полях, в деревне *Λεφτίνη* той же области называют *ντεντελίνα* (в деревне *Λιασίνοβα* — *ντεντελίνα*), что, несомненно, восходит к общеславянскому термину *detelina* — «клевер» (*Trifolium*)⁴⁶.

К организации сельскохозяйственных работ относятся и другие два термина, встречающиеся лишь в кунчих грамотах XVII—XIX вв. Так, в двух грамотах 1742 и 1784 гг. поле, предназначенное для продажи, названо *κολενίτζα* — слово, которое можно сопоставить со слав. *kolěno* («колено») и понять как особое наименование для участка земли, имеющего форму L. Для выяснения семантики упомянем здесь и греческий синоним, принадлежащий местному диалекту: — «поле в форме лука»⁴⁷.

В двух кунчих грамотах XVII и одной XIX в. встречается, кроме того, слово *κασίδι*, служащее обозначением земельного владения⁴⁸. В основе этого термина, обнаруживающего греческий деминутивный суффикс *-ίδι*, лежит, по нашему мнению, славянское слово *pas* < *pojasъ* (ср.: ст.

⁴¹ Вакарелски Х. Этнография на България. София, 1974. С. 137, карта VI.

⁴² *Malingoudis Ph. Studien*. . . S. 70—71.

⁴³ *Ibid.* S. 172.

⁴⁴ *Heldreich Th.* Τα δημόδη ονόματα των φυτών προσδιοριζόμενα επιστημονικώς. 'Αθήνα, 1980. Σ. 16.

⁴⁵ *Malingoudis Ph. Studien*. . . S. 171.

⁴⁶ *Ibid.* S. 170.

⁴⁷ *Ibid.* S. 172.

⁴⁸ *Ibid.* S. 172.

серб. *pašь*, чеш. *pás*) — «пояс». Здесь речь могла идти о некоем возникшем *ad hoc* обозначении, обусловленном местными геологическими особенностями и образованном при помощи славянских лексических средств (ср. употребляемый в этой гористой местности термин *λοορί* (новогреч. «пояс») по отношению к полям, лежащим террасами по склонам гор).

К сельскохозяйственной сфере относятся также удержавшиеся в местной топонимии славянские термины, обозначающие полевую межу (*grana*), водяную мельницу (*vodenica*), сад (*gradina, sad*)⁴⁹.

Назовем, наконец, и такие термины, которые опровергают представление, будто мелинги прошли через страну как кочевники. В топонимии района мессенской Мани можно выявить следующие принесенные славянами термины, распределяемые по смысловым группам:

1) термины расчистки земельных площадей: корчевка (*kъгъuna*), новь (*lazь*), расчищенная, новопроложенная дорога (*тогъ*), просека (*prosěka*);

2) термины поселения: очаг или жилье (*dîmnica*), деревня (*selo*), укрепленное место (*grad*);

3) термины, принадлежащие к области птицеводства — отрасли хозяйства, которую трудно себе представить у кочевого народа: курятник (*котъсь*), петух (*кугъ*), петушиный гребень (*grebень*)⁵⁰.

Подведем некоторые промежуточные итоги сказанному выше: славянские микротопонимы южногреческих областей свидетельствуют о континуитете в экономике расселившихся там славян; последние и на своей новой родине стали оседлыми земледельцами.

Сколько велико было различие между местным греческим населением и пришедшими туда славянами в сфере повседневной технологии? Чтобы объективно ответить на этот вопрос, необходимо избавиться от слепящих чар византийского высокого искусства этикета и иметь в виду историческую реальность. В Византии, как и повсюду, контрастировали два мира: мир дворцов и мир хижин.

Сегодня общей для всех археологов, принимающих во внимание социальные и хозяйственные условия материальной культуры, стала точка зрения, согласно которой «явления варваризации» в этой сфере не обязательно относить за счет присутствия здесь иноэтнического элемента; их следует объяснять действием скорее эндогенных социальных и экономических факторов⁵¹. Я хотел бы в этой связи напомнить о выводах Х. Кэпштайн, которая в своем докладе на XVI конгрессе византистов справедливо подчеркнула, что в технологии земледелия в ранней Византии едва ли были введены какие-либо решающие улучшения по сравнению с позднеримской эпохой⁵².

Что же касается уровня хозяйственной технологии расселившихся в Греции славянских групп, то не приходится более закрывать глаза на тот факт, что они явились в центральные районы Пелопоннеса отнюдь не стремительно и внезапно, как кочевники. Славяне также располагали определенной технологией, усвоенной ими во время их пребывания в бывших римских провинциях в Подунавье. Поэтому их приход в греческие области Византии не означал какого-либо дисконтинуитета. Здесь можно вкратце суммировать выводы славянской археологии: восприятие римской сельскохозяйственной технологии (земледельческих орудий с железными наконечниками) славянскими племенами произошло уже в VI—VII вв. В сфере ремесленного производства славяне переняли «ноу-хау» античных гончаров (использование гончарного круга и позднеантичных печей для обжига). Влияние поздней античности заметно и в самом стиле ранне-средневековых славянских керамических изделий из низовий Дуная. Элементы континуитета отчетливо обнаруживаются и в изготовлении

⁴⁹ Ibid. S. 169.

⁵⁰ Ibid. S. 168—170.

⁵¹ Pallas D. Données nouvelles sur quelques boucles et fibules considérées comme avars et slaves et sur Corinthe entre le VIe et IXe s. // BBul, 1981. VII. P. 295 sq.

⁵² Kopstein H. Gebrauchsgegenstände des Alltags in archäologischen und literarischen Quellen // JOB. 1981. Bd. 31. S. 355 ff.

украшений. Наконец, и в строительство жилищ славянам в Подунавье пришлось, отчасти из-за климата, внести существенные изменения: известная со старославянских времен полужемлянка встречается к югу от Дуная лишь изредка, славянами же были восприняты элементы местной, распространенной в Подунавье традиции домостроительства (например, использование кирпичей)⁵³.

Но славяне после перехода через Дунай были хорошо знакомы и с достижениями, чуждыми их собственной материальной культуре; по крайней мере, они умели обозначать их своими лексическими средствами. Свидетельством этому могут быть славянские по происхождению топонимы в Пелопоннесе, возникшие из апеллатива «мост» (Μοστίτσα, Μοστίτσι, Μοστίτσα). Наименования города Καλάβρυτα (через который протекает античная река Kerynithis) и эпирской деревни Καλάβρυτα на берегу одного из притоков реки Arachthos восходят к слав. kolovъrtъ — «вращающееся колесо», т. е. мы, возможно, имеем здесь дело с названиями, связанными с водяными мельницами. Итак, в сфере крестьянской, деревенской материальной культуры едва ли есть основания предполагать сколько-нибудь значительные различия между обитавшими там греками и пришлыми славянами.

Совместное проживание носителей обоих языков на общей территории в южногреческих областях Византийской империи, длительный процесс симбиоза, завершившийся ассимиляцией славянского элемента, также оставил свои следы — славянские заимствования в новогреческом языке, идущие из семантической сферы повседневной жизни простого крестьянина и ставшие результатом такого симбиоза. Судя по многочисленным заимствованным терминам в отдельных греческих диалектах, в некоторых областях материальной культуры славянский компонент симбиоза, о котором мы говорим, был даже определяющим. Это области, относящиеся к «семантическому полю» птицеводства, пчеловодства, рыбной ловли во внутренних водоемах, ткацкого и пекарного дела, деревенской архитектуры (хозяйственные постройки)⁵⁴. Ограничимся одним характерным примером.

В настоящее время уже всеми признано, что общеновогреческое обозначение бороны (σβάρνι) заимствовано из славянской лексики⁵⁵. Однако эта этимология остается вне реально-исторического контекста, если не рассматривать ее в более широкой связи с уже упомянутым средневековым симбиозом славянского и греческого элементов. Данное орудие обработки почвы, предназначенное для измельчения вспаханной земли, несомненно, использовалось в Византии еще до прихода славян. Существовало и обозначение для него (βολοκόπος) — слово, которое сегодня употребляется лишь на островах Эгейского моря, в континентальных же диалектах его вытеснило слово, заимствованное у пришлого народа. Борона применялась, таким образом, уже в греко-римском мире, и мы располагаем даже описаниями как более простой, сплетенной из прутьев бороны, так и бороны с зубьями, состоявшей из деревянной рамы со вставленными в нее зубцами. Славяне познакомились с зубчатой бороной в римских провинциях в низовьях Дуная. Вместе с тем можно допустить, что уже до того они сами использовали бороны, сплетенные из прутьев, поскольку существует общеславянское обозначение borpa (отсюда — позднее brana или borona)⁵⁶.

Расселившиеся в Греции славяне принесли с собой не только свои сельскохозяйственные орудия, но и их унаследованные обозначения:

⁵³ Herrmann J. Staatsbildung in Südosteuropa und in Mitteleuropa: Zum Problem von Kontinuität und Diskontinuität bei der Überwindung der antiken Sklavereigesellschaft und der Herausbildung der Feudalgesellschaft // JGF, 1981. Bd. 5. S. 20 ff.

⁵⁴ Автор готовит монографию на эту тему.

⁵⁵ Andriotis N. Στομολογικό λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη, 1983, s. v.

⁵⁶ Beranová M. Zemědělství starých Slovanů. Pr., 1980. S. 117—118, 253—254. Об общеславянском термине borpa см.: Этимологический словарь славянских языков. М., 1975. Т. 2. С. 204—206.

мотыга (motyka) — это слово продолжает жить как славянское заимствование в фессалийских (μοτίκα) и цаконском диалектах; коса (kosa) — слово, удержавшееся в диалектах Центральной Греции⁵⁷; наконец, уже названная борона из прутьев, чье славянское обозначение потеснило традиционное греческое наименование. Судя по той фонетической форме, в какой это слово (σβάρνα), заимствованное у славян, бытует в греческом языке, греки переняли его еще до середины IX в.: заимствованное слово указывает на то, что метатеза еще не произошла; показательна и столь же древняя передача славянского «о» греческим α и начального славянского в- греческим υ-, что типично для ранних заимствований из славянского. Мы склонны объяснять это раннее заимствование и его широкое распространение тем, что пришедшие сюда славяне изготавливали указанное земледельческое орудие не только для собственных нужд, но и продавали простейшую плетеную борону своим греческим соседям. Заимствованное обозначение бороны отражает, следовательно, один из аспектов славяно-эллинского симбиоза в средневековой Греции.

Описывая окрестности Фессалоники в начале X в., Иоанн Камениата сообщает, что на равнине, лежащей на западе, между этим городом и Верией, находится несколько деревень с этнически смешанным составом населения (ἑμφύκητοι) и что, как полагал историк, «для жителей Фессалоники будет немалой выгодой общаться со скифами (болгарскими славянами. — Ф. М.) посредством торгового обмена». Эта выгода возрастет еще больше, если они станут жить друг с другом в мире и не вести войн. Обе стороны, писал он, «издавна поняли, что, поддерживая взаимные отношения, они обеспечивают потребности друг друга. Они сохраняют между собой замечательный и глубокий мир»⁵⁸.

Эти немногие строки дают нам объективный образ славяно-греческой повседневности, продолжительного и мирного симбиоза носителей обоих языков в средневековой греческой провинции. («Варварская» топоника среднегреческих историков, острая политическая пристрастность составленных на заказ хроник или агиографические клише о кровожадных язычниках отражают в лучшем случае исключительные ситуации во взаимоотношениях.) Славянские топонимы в Греции — объективные свидетельства, исходящие из среды тех «варваров», которые в письменных источниках остались немые. Сведение воедино этих свидетельств и их интерпретация поможет нам также более трезво и реалистично оценить и некоторые аспекты средневекового прошлого самих греков.

⁵⁷ О термине motyka см.: Laographia. T. 19. P. 273. О термине kosa см.: Μπούκας Ε. Τα γλωσσικά ιδιώματα. . . Σ. 33, 189.

⁵⁸ Iohannis Cameniatae De expugnatione Thessalonicae / Ed. G. Bohlig. В.; Ν. Υ., 1973. P. 8, 78 sq.